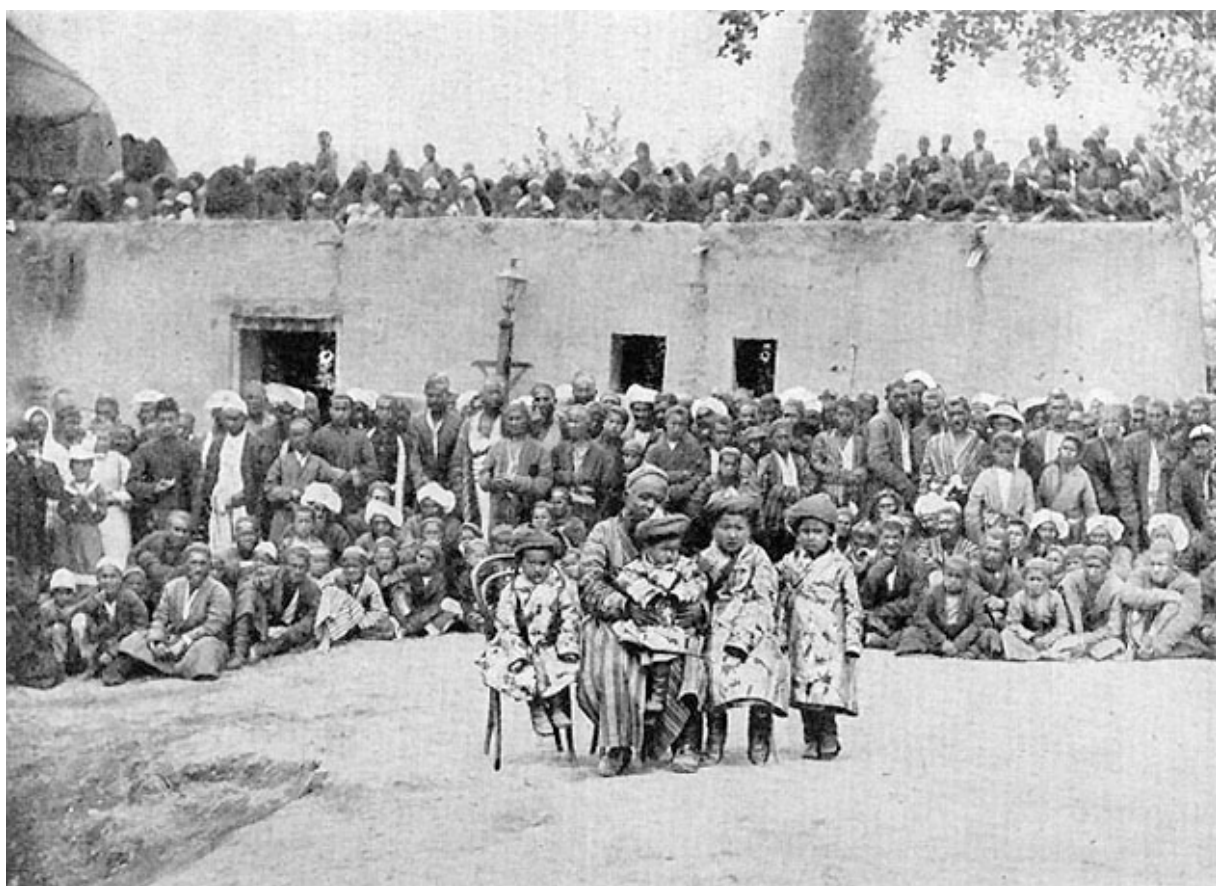

Той у Нурмет-бая

Н. Л. Корженевский. Той. (Очерк из жизни сартов) // Исторический вестник, 1908, № 6.

Нурмет-бай с сыновьями на тое

Всякого новичка в Туркестане нередко озадачивают необычные, странные звуки, которые слышны порою в туземных селениях. Иной раз, еще только забрезжит свет, как в открытые окна первыми врываются они в комнату и заставляют вздрогнуть свежего человека. Они следуют один за другим, иногда сразу вырываются из нескольких мест и дружным эхом перекатываются в утреннем воздухе. Эти звуки обязаны своим происхождением весьма оригинальной трубе, в которую оповещается население о начале праздника в доме богатого сарта по случаю тех или других обстоятельств. По внешнему виду труба представляет медный инструмент около сажени длиною и составляет необходимую принадлежность сартовской музыки, в которой он известен под названием *корнай*. Во всех тех случаях, когда требуются услуги *корная*, игрок на нем, *корнайчи*, забирается на крышу дома, пригласившего сарта, и там на высоте приступает к действию. Легко подхватывает он свою саженную трубу, поднимает ее высоко над собою и, поддерживая только двумя пальцами каждой руки инструмент, сильно набирает в легкие воздух, выпучивает от

напряжения глаза и, сразу вдувая в него весь набранный воздух, извлекает отрывистый, стонущий звук. Так ревет корнайчи часа два или больше, пока не начнет собираться народ, а затем прекращает концерт и становится в ряды музыкантов. Всякий, кто услышит трубу, не дожидаясь особых каких-либо приглашений может свободно идти на *тамашу* [«тамаша» сартовское слово, в переводе — «зрелище»] и провести там весело время. Обыкновенно так и бывает, и на этих праздниках, благодаря их полной доступности и возможности даром поесть, скопляются тысячи сартов. Особенным обилием стола и понятным многолюдством отличаются *тоу* [пиршество, устраиваемое богатыми сартами в честь обрезания сына], на которых зачастую целую неделю кормится и поится чаем масса народа, расходуются сотни пудов риса, лепешек, баранины, и тысячи рублей бросаются на устройство всевозможных зрелищ, как танцы *бачей*, скачки с богатыми призами, наем музыкантов, актеров и прочее. В небольших городах Ферганы, вроде Оша, в таких случаях нередко приглашается на тамашу почти все русское население городка, нанимается военная музыка, и тогда устройством тоя прилагаются еще большие усилия к тому, чтобы сделать возможно интереснее программу развлечений и заставить долго говорить о тое приглашенных гостей.

Первый той, который мне пришлось увидеть, был той у Нурмета, арбяного караван-баши и весьма популярного ошского сарта. Он пригласил все русское население на свой праздник, обещавший быть интересным, особенно для меня, мечтавшего давно познакомиться с местными нравами. В назначенный день я собрался, захватил свою камеру и поехал в туземный город к Нурмету. Погода стояла восхитительная, ясная, с теплым ласкающим воздухом. Высокие тополи городского проспекта неподвижными великанами стояли вдоль улицы и тихо шелестели пожелтевшей листвою; акации и айлантусы с пышными перистыми листьями словно замерли от яркого солнца и отчетливо рисовались на безоблачном небе. Было тихо под сводами тополей единственной улицы, только заморенная пара моего извозчика мерно позвякивала бубенчиками да журчали местами *арыки* [оросительный канал], снабжая водой ненасытную землю. Скоро мелькнула тюрьма, последнее здание русского города, и потянулись серые стены сартовской части. Экипаж катился, как по коридору, среди серо-желтых *дувалов* [глиняный забор], опушенных наверху поблекшей зеленью абрикоса, тута, ореха, из массы которых вырывались стрелки пирамидальных тополей или темная шапка могучего карагача, перевитая лозой винограда. Вся домашняя жизнь сартов скрыта от постороннего глаза высокими стенами, в которых местами пробиты калитки, и только на базаре можно наблюдать туземную жизнь — шумную и красочную, какова она вообще на Востоке. Торговля производится здесь под открытым небом, в легких навесах, расположенных по обеим сторонам тесной улицы и устроенных самым примитивным образом из земли и тонких столбиков дерева. Под навесом земля выстилается *кошмою* [войлок] и коврами, на них складывается товар, и среди последнего оставляется небольшое место для хозяина лавки. На туземном базаре почти всегда есть народ, а в торговые дни он производит прямо оглушающее впечатление на нового человека необыкновенным оживлением, пестрой картинной толпой и яркими красками одежд и товаров. Множество тканей, разноцветных платков, шелковых ниток, развешенных в лавках, колышется воздухом; сверкают на солнце подносы, дешевые лампы, посуда, стекло; мелькают в глазах ремешки, пояски, *тюбетейки*, шитые шелком, чалмы, подвески для женских волос; всевозможные фрукты: персики, дыни, айва, виноград —

разложены в круглых корзинах и прикрыты листвою, чтобы скоро не вяли; там и тут шныряют сартята, продавая лепешки в возбужденной торгующей массе, которая кричит, продает, покупает под оглушающий стук молотков многочисленных кузниц. Тянется мимо, раздвигая толпу, с пронзительным скрипом арба с необъятными колесами и насквозь пропыленным арбакешем, напевающим песню; то едут киргизы навстречу, возвращаясь с покупками в снежные горы, то появляется сарт верхом на маленьком ослике, задевает ногами за землю и, погоняя животное палкой, куда-то торопится, то с тихим звоном колокольцев, с цветными султанами на головах, мерными спокойными шагами идет караван верблюдов, направляясь в Кашгар с мануфактурным товаром; глядя на них, невольно тянет в туманную даль, хочешь примкнуть к каравану, пожить с ним привольным житьем и дальше идти навстречу все новым и новым картинам...

Одна из улиц туземного Оша

Но вот мы миновали базар и снова въехали в пыльную улицу. Близость конечного пункта поездки становилась с каждым шагом вперед все виднее. Множество пеших и конных туземцев, сартянок в своих безобразных мешках *фаренджи*, подростков обоего пола стремилось вместе с нами на той. «Хош, хош!» — кричал непрерывно татарчонок-возница, раздвигая запрягом толпу и бесцеремонно въезжая в самую гущу. Наконец ехать дальше стало нельзя, пара решительно стала. Пришлось теперь бросить извозчика и пешком пройти до ворот Нурметова дома, где стояли *джигиты* для встречи русских гостей. Они быстро окружили меня и, усердно очищая дорогу, провели на внутренний двор, где находился хозяин. Поздоровавшись с ним, я огляделся. Весь обширный, чисто подметенный двор представлял собою одну цветочную клумбу из разноцветных халатов тысячи зевак и приглашенных туземцев. Теснясь насколько возможно, вытянувшись около стен масса зрителей, окаймляя живым и плотным кольцом небольшую площадь двора, на которой стояли шатры с пившими чай почетными сартами. Над ними выше, на плоских крышах хозяйского дома и дворовых построек, помещались сартянки с детьми и с любопытством оттуда смотрели на интересное зрелище. В свободной части двора, в тени огромных карагачей, тяжело склонившихся над мутным прудом, расположилась живописная группа музыкантов. Впереди других с кларнетом в руках стоял дирижер, одетый в красные шаровары и зеленую куртку с светлыми пуговицами; несколько сзади находился второй кларнетист, одетый просто в халат, два-три барабана с тарелками и пять корнайчи с громадными медными трубами. Вот фантастический дирижер что-то сказал, приложил к губам инструмент, корнайчи подняли к небу гигантские трубы, и грянул изумительный марш. Свирепо выдувая резкие звуки, кларнетисты словно старались заглушить своих товарищей и, не считаясь с законами музыки, извлекали все, что мог дать инструмент, барабанщики колотили в тарелки и бубны, как кому нравилось, а дюжие корнайчи, вперивши медные трубы в спокойно-прозрачное небо, решительно никому не внимая, ревели и выли так потрясающе, что нетрудно было представить, как погиб Иерихон...

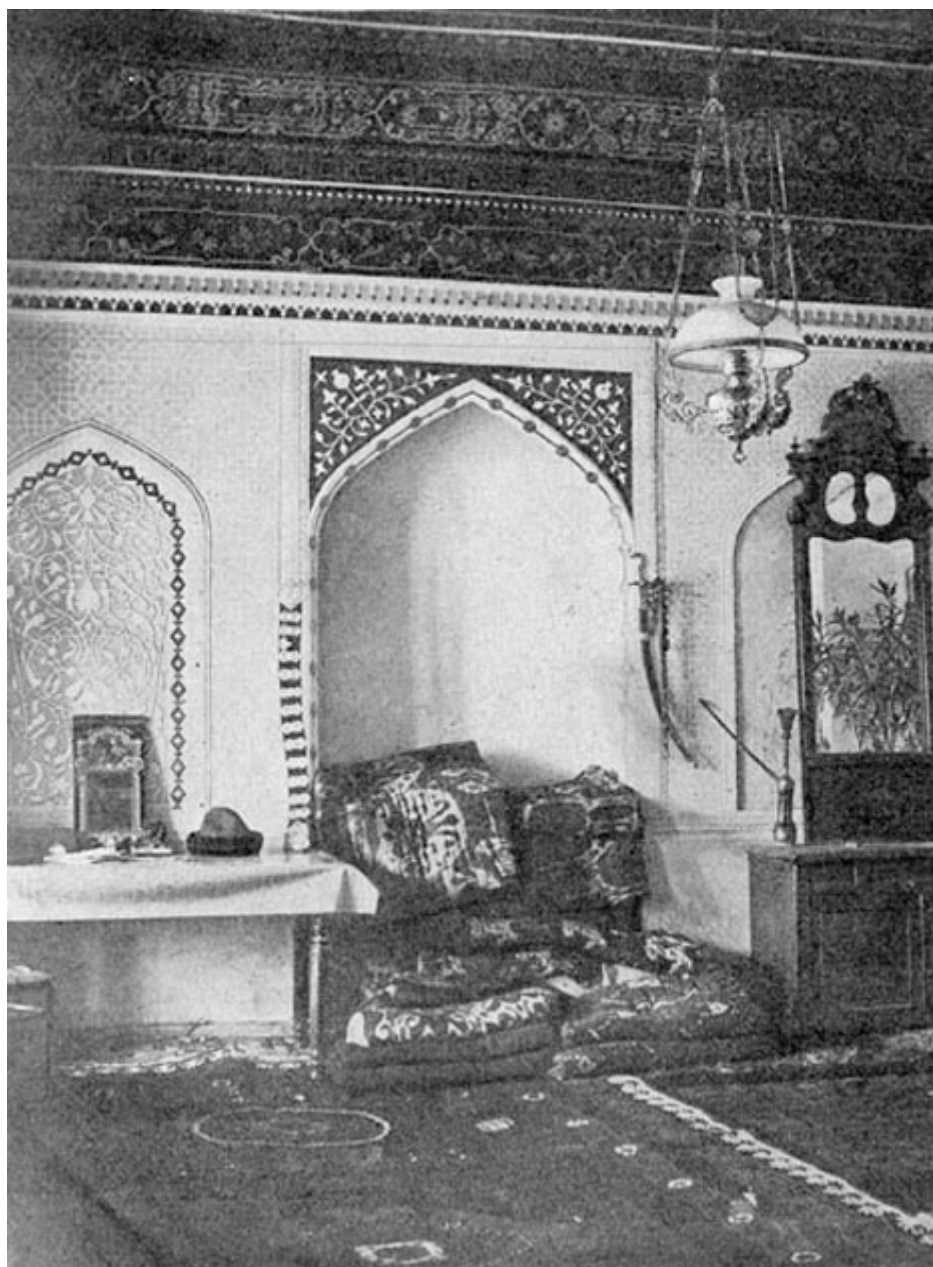

Бачи

Немного поодаль от музыкантов, в распахнутой пестрой палатке сидели *бачи*, женоподобные стройные мальчики, около которых суетились, предупреждая один другого в любезности, их покровители *баи* [бай — богатый человек]. Бачи со своими танцами составляют излюбленный пункт всякой тамашы в Туркестане, и при отсутствии женского элемента в обществе сартов бачи являются в нем предметом общего внимания и ухаживания со стороны многочисленных поклонников их красоты. Все три мальчика были в шелковых костюмах, плотно облегавших гибкое тело, холеные руки украшались ценными кольцами, а на головах находились повязки, из-под которых струились тонкими косичками волосы, со множеством серебряных и коралловых украшений...

Обширная комната, куда провожали русских гостей, была набита знакомыми лицами, и в клубах табачного дыма стоял раскатистый смех и живой разговор. Насколько можно было видеть, комната почти нисколько не отличалась от обычных сартовских комнат без столов и без мебели. Стены были чисто оштукатурены и заключали в себе несколько ниш с красивой отделкой из гипса. В них находилась кое-какая домашняя утварь, а в одной, имевшей наружу трубу, лежала куча углей и грелся *кунган* [особой формы медный сосуд для согревания воды]. Пол комнаты был выстлан толстыми киргизскими коврами, а с потолка, затейливо расписанного красками, спускалась обыкновенная столовая лампа. Теперь, по случаю праздника, в этой комнате находился внушительный стол, нагруженный разными винами, была расставлена венская мебель и чистый столовый сервиз, взятый накануне из русского города. На столе, кроме вин, находилось, кажется, все, чем богата туземная кухня. В огромных тарелках дымился излюбленный сартами плов из риса и нежной жирной баранины, *шурпа*,

кавардак с таким количеством перца, что глаза лезут на лоб; был и целый баран, изжаренный по особому способу в яме, чем достигается тонкий вкус бараньего мяса, груды лепешек, миндаля, винограда, фисташек, орехов и разных сластей местных кондитеров. В шумной массе пирующих неслышно скользила прислуга и проворно разносила желающим чай. Хозяина постоянно в этой комнате не было, он появлялся здесь только периодически, разделяясь между нами и почетными сартами, чинно сидевшими отдельно в шатрах; там они, не стесняясь нашим присутствием, угощались бараниной и курили молча *чили́м* [прибор для куренья табаку вроде кальяна]. Каждый бай поочередно принимал от *малайки* мундштук, втягивал дым чрез клокодавную воду и затем выпускал клубами обратно.

Комната богатого сарта

Этим временем шли приготовления к пляске бачей. Несколько проворных малаек быстро вытащили из недр хозяйских кладовых огромный ковер, разостлали его на земле и принесли для гостей несколько стульев. Простая публика

придвинулась ближе к коврику, и как только веселая гурьба почетных гостей разместилась на стульях, столпилась непроницаемым кругом. Пришли музыканты-дунгане с оригинальными инструментами вроде длинного ящика, сели на корточки и начали настраивать их, поколачивая тонкими, гибкими палочками струны, натянутые на ящике как на обыкновенной цитре. Тут же около дунган устроились с бубнами сарты и, оживленно болтая, ожидали начала. Через несколько минут толпа зашумела, торопливо раздвинулась, и перед нами предстали бачи. Чуть-чуть улыбаясь на шумное одобрение зрителей, они сняли калоши, поклонились и стали втроем на ковре. Музыканты подняли тонкие палочки, затем разом опустили их на звучные струны, и полились неожиданно грустные звуки. Один бача отделился и тихо пошел по коврику, слегка покачивая корпусом и плавно разводя руками в такт монотонной игре. Так прошел весь ковер, повернулся на носках вблизи музыкантов и, вздрагивая еле заметно плечами, возвратился обратно. Этого было достаточно, чтобы сарты пришли в возбуждение; они хлопали себя по плечу, поднимались на корточках и шумно выражали свое удовольствие. Вслед за первым бачой выступил на сцену другой, одетый в белый костюм стройный юноша; делая такие же па, как товарищ, он легко подвигался по кругу и поводил выразительно бедрами. Возбуждение сартов росло с каждым движением бачи, толпа зрителей то затихала, жадно следя за фигурами танца, то вдруг разражалась бурным восторгом. Музыка между тем учащала свой темп, становилась все более увлекающей, палочки дунган скользили по струнам с неуправимой быстротой, бубны стучали как только могли, и звон их летел далеко по окрестности. Бача на минуту остановился и затем вдруг из размеренных, полных неги движений перешел в стремительный танец. Чуть касаясь ковра, перебирая быстро ногами, то наклоняясь, то откидываясь красиво назад, он кружился взад и вперед перед нами; бросив улыбку одним, в следующий миг был у другого конца, где снова плясал, принимая все разные позы...

Танец бачей в лодках

После небольшого перерыва круг раздвинули еще шире и к бачам-танцорам поднесли небольшие лодки без дна, корпус которых был устроен из пестрого ситца. К бортам были прикреплены деревянные башенки, украшенные полосками жести и разноцветной бумагой. Поместившись под башенками лодок, бачи начали танцевать вместе с ними, лавируя один возле другого. Образуя шеренгу, они медленно плыли вперед, кружились порою на месте, затем снова расходились, и так однообразно танцевали до конца. На смену им явились борцы. Несколько сартов, одетых в шутовские костюмы, воспроизвели борьбу силачей. Один из них состязался даже с палкой, которая с помощью повешенного на нее рваного халата должна была изображать его противника. Он то налегал на мнимого соперника, то сам гнулся под его могучим напором, и наконец, под гомерический хохот присутствующих, перекинул себя через плечо и положил на обе лопатки. Вслед за борцами с шумом и криком прибежали актеры. Все они свои роли кричали насколько возможно. Сарты не оставались спокойными зрителями и выкрикивали от себя замечания, так что от этого представления гвалт и неистовый хохот можно было слышать за несколько верст... Уже темнело и появились звезды, когда развлечения тоя были исчерпаны, и, отблагодарив хозяина, я вернулся домой.